

ДАВЫДОВ Е. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ДАВЫДОВ Евгений Васильевич, родился в 1873. Получил высшее образование, до революции служил товарищем прокурора Петербургского окружного суда в чине надворного советника. С 1918 — работал юристом и экономистом на предприятиях Петрограда-Ленинграда, с 1923 — на строительстве Волховстроя, с 1929 — в комиссии по проверке этого строительства и ликвидации дел, перешедших в Ленэнерго. С середины 1920-х — занимался также литературной и научной работой по изучению рукописей Пушкина и популяризацией творчества Пушкина (рукопись готова к изданию). Член и товарищ председателя Пушкинского общества, председатель секции общества по охране памятных пушкинских мест; с 1934 — член Ленинградского Дома Ученых, проводил там литературно-научные заседания Пушкинского общества. Женат на Наталии Яковлевне Давыдовой. В марте 1935 — выслан с женой из Ленинграда в Оренбург на 5 лет¹, в ноябре 1936 — там же, работал литературным работником в местном издательстве.

ДАВЫДОВА Наталия Яковлевна, родилась в 1870-х. Получила высшее медицинское образование, работала врачом. Вышла замуж за Евгения Васильевича Давыдова, литературного работника. В марте 1935 — выслана с мужем из Ленинграда в Оренбург на 5 лет².

В августе 1936 — Евгений Васильевич Давыдов обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<1 августа 1936>

«Уполномоченному Красного Креста
по делам заключенных
тов<арищу> Е. П. Пешковой.

В конце декабря 1935 г<ода>, более полугодя тому назад, я обратился к Вам с заявлением, в котором, подробно изложив о моей деятельности, как литературно-научного работника в области Пушкиноведения и популяризации творчества Пушкина, — я просил Вашего ходатайства об отмене моей высылки из Ленинграда в Оренбург.

До сего времени я не имею ответа по моему заявлению. На обращение же отца моей жены, проживающего в Москве, по этому вопросу в Ваш секретариат ему было объяснено, что Вами ожидается ответ из того учреждения, куда мое заявление Вами направлено. Справка была дана в апреле.

В дальнейшем, с опубликованием проекта Конституции, согласно которой дореволюционное "прошлое" граждан не может считаться основанием более для их административного преследования, и им предоставляется без всякого ограничения избирательные права, — многие из высланных в Оренбург при обращении с ходатайствами получили, правда, неофициальные указания, что находящиеся в ссылке, при отсутствии обвинения в каких-либо деяниях, подлежат освобождению.

И действительно, из высланных в Оренбург освобождены уже многие, и не только молодежь, высланная за "прошлое" их родителей, но и имеющие личное "прошлое", независимо от их возраста.

Между тем, в отношении меня, литерат<урно>-научного работника и единственного, кажется, из высланных в Оренбург, б<ывшего> члена Ленингр<адского> Дома Ученых, а также моей жены, врача Н.Я. Давыдовой, не имеющей ни лично, ни по отцу решительно никакого

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 1489. С. 328-334; Д. 1552. С. 128; Д. 1559. С. 87, 135.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 1489. С. 328-334; Д. 1552. С. 128; Д. 1609. С. 133-42.

"прошлого" и происходящей из НЕ-дворянской семьи, — высылка считается еще в силе со всеми тяжелыми для нас последствиями.

Положение адм<инистративно> высланного лишает меня необходимого авторитета, как литер<атурно>-научного работника в тех работах, которые я веду сейчас в Оренбурге в области популяризации творчества Пушкина, в связи со 100 летним юбилеем; к ним относятся организация Пушкинских лекций и кружков, устройство Пушкинских выставок, консультации в сфере пушкиноведения; но как высланный, я лишен возможности свободных публичных выступлений на тему о Пушкине, ни один из печатных органов не принимает от меня ни строки и т<ак> д<алее>, и заработок мой чрезвычайно затруднен этими отягчающими обстоятельствами.

Такое положение лит<ературно>-научн<ого> работника, по моему разумению, находится в полном противоречии с установкой исключительного внимания и крайне заботливого отношения высшей правительственной Власти к научным работникам. Установка эта подтверждается и положениями проекта Конституции.

Если Вы признаете мои доводы заслуживающими внимания, прошу снова Вашего ходатайства об освобождении меня и моей жены от тяготеющей над нами административной меры и об извещении меня о последующем.

Лит<ературно>-научный работник
Е. Давыдов.

1 августа 1936.

Оренбург,

Орская ул<ица>, д<ом> 1.

Евгений Васильевич Давыдов»³.

На письме — помета сотрудника Помполита:

«Измен<ений> нет. Пусть пришлет новое заявл<ение>».

В октябре 1936 — Евгений Васильевич Давыдов вновь обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<31 октября 1936>

«Заведующей "Помощью политическим заключенным"
Екатерине Павловне Пешковой.

Глубоко признателен за присланное мне Вами извещение № 9787 от 13 сего октября и выраженное Вами намерение вновь возбудить ходатайство об отмене в отношении меня административной высылки. Заявление мое НКВД, согласно Вашего указания, при сем пересылаю.

Все это время, после получения от Вас извещения, я ждал результата по моей последней литературной работе о Пушкине, считая, что положительный результат может служить благоприятным доводом для ходатайства о моем освобождении. Но о каком-нибудь решении по этой моей работе я не имею сведений и до настоящего дня, и поэтому, боясь откладывать дальше заявление, касающееся судьбы не только моей, но и моей семьи, прошу Вас направить его в НКВД и не отказать, вновь возбудить обо мне Ваше ходатайство.

С июня с<его> г<ода>, когда во многих организациях Оренбурга началась подготовка к Пушкинскому юбилею, я исключительно занят только Пушкинской работой. Но препятствия для меня, как адм<инистративно> высланного остаются прежние, о которых я и писал в

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1489. С. 330. Автограф.

первом моем заявлении. Лекции мои о Пушкине назначаются, потом отменяются; по надлежащем разъяснении, частью вновь вносятся в программу, частью остаются снятыми. Несколько выступлений, как лектор о Пушкине, я имел в Областной библиотеке и друг<их> культпросвет<ительских> учреждениях. На ноябрь намечено шесть моих лекций, но пройдут ли они, уверенности у меня нет.

Тоже и с ведением пушкинских кружков, семинаров, с устройством Пушкинских выставок. Я имел много предложений, писал по ним проекты, программы, но также, вследствие колебаний руководителей учреждений по вопросу по возможности моего привлечения, я потерял ряд намеченных и, казалось, уже договоренных работ. Кроме упомянутой выше большой работы о Пушкине, которая едва ли увидит свет по тем же причинам, мною выполнена за последнее время другая работа для театра жел<езно>дор<ожного> клуба по инсценировке одной из повестей Пушкина. Судьба этой работы пока также не определилась, т<ак> к<ак> в данное время она направлена в органы, от которых зависит разрешений 4х актной пьесы к постановке.

Не проходит дня, чтобы я не чувствовал всей тяжести административной меры, лишившей меня нормальных гражданских прав. В данное же время, перед 100-летним Пушкинским юбилеем это еще более тяжело для меня, как литературного работника, посвятившего все свое время и силы большому в настоящий момент делу — подготовке к Пушкинским дням.

В то же время освобождение ленинградцев от высылки продолжается. Происходившие только что выборы в районные Советы Оренбурга показали, что мы, адм<инистративно> высланные (не привлеченные по статьям Уг<оловного> код<екса>) не лишены избирательных прав, и работающие в учреждениях получили избират<ельные> повестки. Все это говорит в пользу скорейшего освобождения от высылки и тех, которые остаются еще в Оренбурге, и в первую очередь, научных работников.

Е. Давыдов.

31 октября 1936.

Адрес: г<ород> Оренбург,
Орская ул<ица>, д<ом> 1»⁴.

В январе 1937 — Евгений Васильевич Давыдов вновь обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«12 января 1937 <года>

«Уважаемая Екатерина Павловна,

глубоко признателен Вам за сообщение, полученное мной около 10 декабря. Вы писали, что согласно наведенной справке, выясняется возможность удовлетворения моего ходатайства об отмене моей высылки в Оренбург.

За прошедший месяц ничто не улучшилось в отношении ко мне общественных кругов, тесно связанных с подготовкой к Пушкинскому юбилею. Морально я совершенно угнетен — как высланного, меня все более и более отстраняют от литер<атурно>-научной деятельности по этой линии. В сентябре-ноябре я еще мог прочесть несколько платных лекций; теперь же меня совершенно не приглашают, ссылаясь и на то, что я не рекомендован местным Пушкинским комитетом. На самом деле ни о каком формальном запрещении мне не известно, но как-то сразу

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1489. С. 334. Автограф.

создалось опять неблагоприятное отношение к "ленинградцу". Между тем потребность в научных работниках-пушкинистах большая, и мне же приходится быть свидетелем, что лекторами выступают лица, проявляющие полное невежество в некоторых вопросах о Пушкине. Я сдал на просмотр последнюю свою работу о Пушкине; ее читают, весьма одобряют, высказываются о целесообразности ее напечатать (чего я и добиваюсь), — но вот уже 3-й месяц, как меня направляют из одной организации в другую; никто не хочет принять на себя решения в мою пользу, имея в виду, что я высланный, — и вероятно, окончательно измучившись с этим вопросом, я ничего не добьюсь. Реально осталось у меня только одна не отнятая работа, это устройство небольшой Пушк<инской> выставки в Пед<агогическом> институте. С ее окончанием, перед самым юбилеем Пушкина, я, единственный в Оренбурге работник, специально занимающийся Пушкиным, останусь без работы!

Неужели же я, посвятивший 10 лет Пушкинской работе и общественной (в Лен<инградском> Пушк<инском> О<бщест>ве), и научной, не могу быть освобожден теперь перед всесоюзными Пушкинскими торжествами? Какое же значение имеет мое прошлое, если оно предано забвению великими словами новой Конституции? Восстановление меня в правах устранило бы препятствие напечатанию книги, и тем вывело бы меня из крайних материальных затруднений.

Не зная, когда и какой последует ответ на мое ходатайство об освобождении, я решаюсь просить о дозволении мне выехать в начале февраля в Москву на Пушкинские торжества. Возможность видеть эти небывалые по участию всего народа и неслыханные в истории всей западной культуры торжества дала бы мне моральную поддержку (а то я прямо на пороге душевного расстройства) и незабываемые впечатления. Вопрос, как наладить поездку, для меня, конечно, трудно разрешим, но это второе, а первое и главное — надо получить разрешение на выезд из Оренбурга в Москву с 3-го по 20-е февраля.

С этой просьбой, прежде всего, обращаюсь к Вам и прошу Вашего ходатайства.

Официальное заявление при сем прилагаю.

Оренбург, Орская ул<ица> д<ом>1.

Глубоко Вас уважающий Еvg<ений> Давыдов⁵.

К письму было приложено заявление на имя народного комиссара внутренних дел.

<12 января 1937>

«Народному Комиссару Внутренних Дел

литературно-научного работника
Давыдова Еvg<ения> Вас<ильевича>,
административно высланного из
Ленинграда в Оренбург в марте 1935 г.

Заявление

В первых числах ноября 1936 года мною было подано заявление с просьбой об отмене моей высылки и освобождении моем и моей жены. Как на главное основание к моему освобождению в настоящее время, я счел возможным сослаться на то, что 10 лет я вел общественную и научную работу по изучению и популяризации Пушкина и что я должен быть привлечен к широкой подготовительной работе к Пушкинскому юбилею.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1609. С. 133. Автограф.

Положение же мое, как высланного, приводит к тому, что даже здесь, в Оренбурге, где имеется крайняя необходимость в литературных работниках, знающих Пушкина, — я оказываюсь почти отстраненным от этой работы и, если ко мне и обращаются, то больше в порядке частных консультаций. Вот уже третий месяц находится на просмотре последняя моя работа о Пушкине в рукописи; о ней даются положительные отзывы, признается желательным ее напечатание, но в результате никто не решается взять на себя ее издание, т^{ак} к^{ак} автор — административно высланный, и меня направляют из одной организации в другую для переговоров, которые вперед обречены на неудачу.

Перед самыми днями Пушкинского юбилея я лишаясь, как высланный, заработка по подготовительной Пушкинской работе и, по-видимому, должен встретить дни всесоюзных Пушкинских торжеств окончательно устранным из общественно-культурной работы.

Чтобы найти выход из крайне тяжелого моего морального состояния, я решаюсь просить, до выяснения основного вопроса о моем полном освобождении, — разрешить мне кратковременную поездку из Оренбурга в Москву на всесоюзные Пушкинские торжества, на время с 3-го по 20-ое февраля.

Я глубоко бы ценил возможность быть на этих торжествах, необычайным по участию в них широких трудящихся масс и неслыханным в истории всей западной культуры. Как научному работнику в области пушкиноведения, одно ознакомление с грандиозной Пушкинской выставкой в Историческом музее представлялось бы мне крайне нужным и важным по ее исключительному научному значению.

Е. Давыдов.

12 января 1937 <года>.

Оренбург — Орская ул<ица>, д<ом> 1»⁶.

В феврале 1937 — Евгений Васильевич Давыдов вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«14 февр<аля> 1937 <года>

Уважаемая Екатерина Павловна,

вот уже проходят юбилейные Пушкинские дни, — а в моей судьбе нет никакой перемены, и не имею и ответа на поданное мной при письме к Вам 12 января с<его> г<ода> заявление о разрешении выехать на 2 недели в Москву на Пушкинские торжества. Трудно мне понять, почему не может быть освобожден научный работник, всецело посвятивший себя Пушкинской работе в великие дни Пушкинского юбилея. Никакого обвинения надо мной ни в настоящем, ни в прошлом не тяготеет и, казалось бы, для благоприятного разрешения вопроса нет препятствий.

Даже здесь, в Оренбурге, в связи с наступившими юбилейными днями, изменилось к лучшему отношение ко мне, как специальному работнику в области пушкиноведения. В юбилейных № № Оренб<ургской> газеты помещены мои статьи о Пушкине.

Прошу Вас не отказать в сообщении сведений по моему делу.

Уважающий Вас Е. Давыдов.

Оренбург, Орская ул<ица> дом 1»⁷.

В марте 1937 — Евгений Васильевич Давыдов, благодаря ходатайству юридического отдела Помполита, получил паспорт. В

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1609. С. 134. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1609. С. 138. Автограф.

ноябре 1937 — Наталья Яковлевна Давыдова, жена Евгения Васильевича, передала в Помполит заявление для передачи в соответствующие органы.

<21 ноября 1937>

«З а я в л е н и е

Муж мой, Давыдов Евгений Васильевич был выслан в марте-апреле месяце 1935 года из Ленинграда в г<ород> Оренбург сроком на пять лет. При высылке ему не было предъявлено никакого обвинения. По нашим предположениям единственной причиной его высылки могло являться его дворянское происхождение.

В ночь на 10 августа с<его> г<ода> муж мой был арестован органами НКВД. По справке, полученной в Оренбургском Управлении НКВД, в начале этого месяца он был выслан в лагерь. На вопросы о месте и сроке егосылки ответа не было дано.

Так как арест его являлся для нас полнейшей неожиданностью, он ушел из дома, не захватив с собой никаких теплых вещей, одетый во все летнее. За два месяца пребывания в тюрьме он не имел передачи ни продовольственной, ни вещевого. Учитывая это и его преклонный возраст, я очень прошу Вас оказать мне содействие в установлении адресасылки моего мужа, чтобы я могла, не дожидаясь письма от него, послать ему посылку с самыми необходимыми вещами.

Мой адрес: Оренбург, Пушкинская, д<ом> 1, Ивановой для Натальи Яковлевны Давыдовой.

21/XI-37 г<ода>.

С приветом доктор Н. Давыдова»⁸.

10 августа 1937 — Евгений Васильевич Давыдов был арестован во время массовых задержаний в городе, 25 октября приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян⁹.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1609. С. 141. Автограф.

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 1552. С. 128; Д. 1609. С. 133-142.

«Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.